

УДК 81:821.161.1.09

DOI: 10.26140/bgz3-2019-0803-0097

СТИЛЬ РЕЧЕВОГО КОМИЗМА В СКАЗЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАССКАЗОВ М.М. ЗОЩЕНКО)

© 2019

Яхияева Саидат Хизбулаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
методики преподавания русского языка и литературы

*Дагестанский государственный университет, Республиканский многопрофильный лицей для одаренных детей
(367000, Россия, Махачкала, улица М. Гаджиева, 37, e-mail: saidat58@mail.ru)*

Аннотация. Работа посвящена восприятию комического в определенном конфликте между сатирой и юмором, их читательским присоединением к осмеянию зла и пошлости. Проведен анализ рассказов М.М. Зощенко в которых наиболее ярко выражены комические особенности сказа произведений писателя. Исследование обусловлено недостаточной разработанностью проблемы восприятия комического, необходимостью поиска путей и приемов анализа сатирико-юмористических произведений М. Зощенко, с целью подготовки контингента, которые сумеют успешно вступать в межкультурную коммуникацию. Комизм, как видим, достигается соединением в одном контексте иностранных слов «комси-комса», «тенор» и вульгаризмов «хайло», «сволочь», «сперли». Писатель мастерски использует в речи своих героев те средства языка, которые наиболее полно раскрывают их социальный, моральный и культурный облик. Своеобразие языка героев, на наш взгляд, создают, просторечные слова с теми морфологическими и фонетическими искажениями, которые были обычны для обиходно-бытовой речи малограмотной среды: «в ихнем», «особливо», «польты», «отселева». Индивидуальность языка персонажей формируется посредством использования литературных, книжных слов и выражений, употребляемых в речи, но по малограмотности неточно понимаемых: «Было бы, – говорит, – смертельно удивительно, если б без отпечатков». Рассказы М. Зощенко демонстрируют удивительное мастерство писателя как художника слова. Он уловил сущность «полуинтеллигенции» как социального фактора и художественно выразил ее культурно-историческую роль.

Ключевые слова: литература, языковой разбор, сказ, юмор, сатира, персонаж, коммуникативная функция, разноречивая галерея, ирония.

THE STYLE OF SPEECH COMMISSION IN THE TALE (BASED ON THE STORIES OF M.M. ZOSHCHENKO)

© 2019

Yakhiyeva Saidat Khasbulaev, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor
of the Department of methods of teaching Russian language and literature

*Dagestan State University, Republican multidisciplinary Lyceum for gifted children
(367000, Russia, Makhachkala, M. Gadzhiev street, 37, e-mail: saidat58@mail.ru)*

Abstract. Perception of the comic in a certain conflict between satire and humor, their reader's accession to the mockery of evil and vulgarity. An analysis of the stories of M. M. Zoshchenko in which the comic features of the writer's works are most clearly expressed. The researches are caused by the insufficiently developed problem of comic perception, the need to search for ways and methods of analyzing the satirical-humorous works of M. Zoshchenko, with the purpose of training the contingent, who will be able to successfully enter into intercultural communication. Comic, as we see, is achieved by combining in one context the foreign words "comsi-Comsa", "tenor" and vulgarisms "hylo", "bastard", "stolen". The writer skillfully uses the voice of its characters, those means of language which most fully reveal their social, moral and cultural character. The originality of the language heroes, in our view, create colloquial words with the morphological and phonetic distortions that were usual for everyday speech, the speech of the uneducated environments: "ihnem", "especially", "polity", "odelia". The individuality of the language of the characters is formed by the use of literary, book words and expressions used in speech, but inaccurately understood by the lack of literacy: "It would be," he says, "mortally surprising if without fingerprints." Stories M. Zoshchenko demonstrate the amazing skill of the writer as a word artist. He caught the essence of "semi-intellectuals" as a social factor and artistically expressed its cultural and historical role.

Keywords: literature, language analysis, tales, humor, satire, character, communicative function, multilingual gallery, irony.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Вводя в литературу новые образы, идеи, писатели по-новому используют все лексические и грамматические средства языка, совершенствуют его стилистику. Анализируя своеобразие стиля любого писателя, необходимо обратить внимание на неповторимость и оригинальность, почувствовать содержательно обусловленную целостность всех приемов произведения. Авторское отношение к изображаемой сказывается, не только на общем настроении произведения, но и в выборе слова-образа. Как известно, М. Зощенко – прозаик, создавший целый ряд сатирико-юмористических рассказов. Его творчество злободневно, но, несмотря на наличие отдельных работ, посвященных исследованию языка М. Зощенко [1, с. 47; 2, с. 16; 3, с. 8; 4, с. 25], многие стороны языковой системы, в частности, комические приемы, языковой разбор как путь к постижению комического индивидуального стиля писателя еще не стало предметом серьезного изучения со стороны исследователей [5, с. 29].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Сказ – это спо-

соб повествования, ориентированный на воспроизведение живой, устной речи; имитация импровизационного рассказа, рождающаяся на глазах у читателя [6, с. 876]. По отношению к автору и его позиции сказ – всегда «чужая» речь, повествовательная маска, за которой нужно увидеть лицо автора.

В произведениях М. Зощенко «мишенью» являются не какие-то исключительные герои, а человек своей среды, но, рожденный этой самой средой, он, если внимательно посмотреть, все же немножко над ней выше поднимается, более отзывчив и по-своему раним. Он, естественно, первым переживает все драмы, происходящие рядом с ним, и вместе со своей средой проходит нелегкий путь. Повествователь писателя посредник между автором и читателем. Он может быть персонажем собственного повествования и вести повествование от первого лица, но может и не присутствовать в тексте «явно», ведя повествование от третьего лица. Именно в сказовой форме писателю удалось запечатлеть мысли, язык и настроение своего героя. Писатель сделал сказовую форму очень емкой и художественно выразительной. То, чего другие писатели добивались введением дополнительных деталей, М. Зощенко достигает манерой сказа – краткой, предельно сжатой фразой. Несмотря на большое разно-

образе персонажей, все же большая часть их представляет собой разновидность одного героя – современного автору мещанина. Герой – рассказчик просто говорит, автор не усложняет структуру произведения описаниями тембра его голоса, манеры держаться и др. Сказ для писателя служит передачей народной речи, выступая одновременно как средство сатиры, т.е. служит средством разоблачения психологии и идеологии обывателя, а сам рассказчик, надевая новые маски, все же не меняет своей сущности. В противоположность литературной пародии писатель объект не ставит вне пародии – «конструирует здесь же на глазах читателя, и в самый момент рождения подвергается пародизации» [7, с. 67]. Сказ Зощенко имеет не только пародийный характер и не сводится к тому, чтобы выявить противоречие между истинным уровнем культуры человека и тем, за кого он себя выдает. В сказовой форме он нашел возможности для осуществления своей основной темы «переделки» человека. Сказ М. Зощенко – это повествование от первого лица, строящаяся на комизме ситуаций, персонажа и на языковых особенностях, гармонически сочетающиеся в себе элементы, которые находятся во взаимодействии. Его характеры историчны. История «осела» в самом типе: в его душевном строе, речи, облике.

Речь персонажей в художественном произведении М. Зощенко – это не только средство, при помощи которого излагается какое-либо содержание, но и предмет изображения. Писатель через речь персонажа изображает его взгляды, мысли, чувства, поведение и поступки. Но как предмет изображения речь героя оказывается намного сложнее, чем все другие описываемые в произведении явления и предметы. Именно та же речевая характеристика позволяет понять главное и существенное: за речевыми особенностями того или иного героя мы можем увидеть и самого героя, и его характер, и отношение к нему автора.

В литературе анализ языка персонажа сводится порой к выяснению того, о чем говорят герои и как это их характеризует. Так, реплика Гусева: «Сколько, – говорит, – лет уродовал свою личность разными русскими отбросами и вот наконец дождался...» [8, с. 152] – рабское преклонение перед не русским.

За годы, проведенные в гуще «бедных» людей, М. Зощенко до тонкости изучил их язык, сумел проникнуть в глубинные тайны разговорной речи. Язык подобрал в себя все характерное, самое яркое из простого языка масс и в отжатом, концентрированном виде сошел со страниц его рассказов. Это был неизвестный в классической литературе язык: «Он был груб и неуклюж, бестолков, но затыкай или не затыкай уши – он существовал. Живой – русский язык» [9, с. 5].

Формирование целей статьи (постановка задания).
Цель обучения – восприятие комического в определенном конфликте между сатирой и юмором, их читательским присоединением к авторскому осмеянию зла и пошлости, с одной стороны, с другой – непониманием языкового комизма читателю, не владеющего языком сказа.

Изложение основного материала с полным обоснованием полученных результатов. Рассказы М. Зощенко богаты многообразием используемых языковых комических ситуаций, приемов. Так, одним из источников комического в рассказах М. Зощенко является чужая речь: попытка необразованного человека передать речь другого персонажа, стоящего выше него по происхождению или статусу, особым языком простолудина: «Я, – говорит, – чересчур богатый человек, и мне раз плюнуть и растереть ваши бывшие часики, но, – говорит, – это дело я так не оставлю. Руки, – говорит, – свои я не хочу пачкать о ваше хайло, но подам ко взысканию, комси-комса. Ступай, – говорит, – отселева...» [9, с. 29].

В речи персонажей отмечается также преобладание коротких фраз, многообразные случаи отклонения от письменного литературного языка в сторону разговор-

ности: «Пушай не поет. Наплевать на него. Раз он в центре сымается, то и пушай одной рукой поет, а другой свет зажигает. Думает – тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету!» [9, с. 130].

Смешением русских и иностранных слов в речи своего персонажа автор достигает известного комического языкового эффекта: «Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. *Кескесе, мерси, комси...*» [9, с. 83]. Трудно, товарищи, говорить по-русски!» [9, с. 85].

Исследователь произведений М. Зощенко, Е. Журбина характеризует героев его так: «В рассказах он (мещанин) дан мудрствующим обывателем. Случайные обрывки книжных слов и газетных фраз, искаженные представления об окружающей его действительности» [10, с. 12].

Комизм, как видим, достигается соединением в одном контексте иностранных слов «комси-комса», «тенор» и вульгаризмов «хайло», «сволочь», «сперли». Писатель мастерски использует в речи своих героев те средства языка, которые наиболее полно раскрывают их социальный, моральный и культурный облик. Своеобразие языка героев, на наш взгляд, создают, просторечные слова с теми морфологическими и фонетическими искажениями, которые были обычны для обиходно-бытовой речи малограмотной среды: «в ихнем», «особливо», «польты», «отселева». Индивидуальность языка персонажей формирует посредством использования литературных, книжных слов и выражений, употребляемых в речи, но по малограмотности неточно понимаемых: «Было бы, – говорит, – смертельно удивительно, если б без отпечатков» [9, с. 142].

Как отметил В.Я. Пропп, «в литературно-художественных произведениях, так же, как и в жизни, алогизм бывает двоякой: люди или говорят несурзное, или совершают глупые поступки» [11, с. 84].

Однако при ближайшем рассмотрении такое деление имеет только внешнее значение. Оба случая могут быть сведены к одному. В первом из них мы имеем неправильный ход мыслей, который вызывается словами, и эти слова вызывают смех. Во втором – неправильное умозаключение словами не высказывается, но проявляет себя в поступках, которые и служат причиной смеха. Первые фразы его героев просты и достоверны, поэтому читатель сразу настраивается на особый тон повествования. Нам кажется, что с этими героями мы где-то уже встречались, виделись, многое знаем об их жизни: «Театр не хаю. Но кино все-таки лучше... Раздеваться, например, не надо... Бриться опять же не обязательно – в потемках личности не видать» [9, с. 114].

Рассказ «Свадьба». М. Зощенко принадлежит к числу юмористических, близких к психологическим новеллам. Обычно такие рассказы содержат конкретный факт, событие, в котором участвующие изображены настолько ярко и живо. Он занимает всего одну-две страницы. Эта экономия в повествовании возможна в значительной степени благодаря языку. Слова, словосочетания, предложения не только сообщают о событиях и фактах окружающей действительности, но и в то же время изображают, рисуют их, в результате чего коммуникативная функция этих средств дополняется изобразительной.

В экспозиции рассказа содержатся элементы повествования, описания обстановки, в которой происходит действие: «А познакомился Завитушкин со своей невестой в трамвае. Дней за пять до брака. Сидит он в трамвае и вдруг видит, перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая, ничего себе барышня, аккуратненькая...» [9, с. 134].

Словарь повествователя на первый взгляд кажется нейтральным, но это только первое впечатление: при внимательном рассмотрении обнаруживается зависимость речи от особенностей данного произведения. У М. Зощенко нет, как у А. Чехова или Н. Гоголя, выписанных предметов – дивана Манилова или комоды Собакевича. Предмет у М. Зощенко называется словом.

Такое слово-вещь важно не только своим значением, а местом и ролью, которую он играет: слово становится характеристикой персонажа или той среды, в которой оно преимущественно распространено. Слово писателя выполняет и изобразительную роль, не только называет предмет или явление, но и рисует его образ. Говоря о Завитушкине, автор отмечает, что он не говорит, а кричит: «А пес вас разберет. Насажали разных баб, а мне разбирайся» [9, с. 136].

Здесь мы наблюдаем развернутых синтаксических конструкций с вводными словами и предложениями: «Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился»; «Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты» [9, с. 133]. Синтаксический строй существенно отличается от речи авторской, что зависит от характера общения действующих лиц, состояния говорящих, предмета разговора. Завитушкин – представитель мещанского сословия, и его речь архаизирована и грубовата: «Дайте хоть пожрать. С утра, – говорит, – не жравши по такой канители» [9, с. 136].

Говоря об особенностях речи героев М. Зощенко, писатель К. Чуковский отмечал: «Алогизм, косноязычие, неуклюжесть, бессилие этого мещанского жаргона называется также, по наблюдениям Зощенко, в идиотических повторах одного и того же словечка, завязшего в убогих мозгах...» [12, с. 37].

Писатель достигает комического эффекта путем столкновения противоречий: жених обязан знать свою невесту в лицо; и жених не узнает свою невесту без шляпы. [13, с. 265].

Естественно, герой ищет выхода из положения, он должен узнать невесту. Володя должен был немножко подождать, кто-нибудь ему все равно помог бы, или невеста сама бы отозвалась. Но герой торопится и начинает всех девиц подряд хватать. По его логике он поступает верно: его невеста была в шляпе. Но гости не понимают его и начинают на него кричать. У них своя логика: им кажется, что он нарушает норму поведения.

В некоторых рассказах М. Зощенко, когда повествование не связано с каким-нибудь персонажем, т.е. не представляет собой его прямой речи, оно носит индивидуализированный характер. Иллюстрацией отмеченного может служить отрывок из рассказа «Исповедь»: «На страстной неделе бабка Фекла сильно разорилась – купила за двугривенный свечку и поставила ее перед угодником. Фекла долго и старательно прилаживала свечку поближе к образу. А когда приладила, отошла несколько поодаль и, любуясь на дело своих рук, принялась молиться и просить себе всяких льгот и милостей взамен истраченного двугривенника» [9, с. 18].

Отрывки из разных рассказов показывают удивительное мастерство и своеобразие таланта писателя: речь повествователя представляет собой активное начало в произведении, задавая основной тон, определяя оценку персонажей и событий. Персонажи не говорят самостоятельно: повествователь вкрапляет их слова в свою речь, как бы цитируя то, что он считает нужным передать из сказанного ими.

Важный момент в рассказах М. Зощенко, – это порядок слов в предложениях. Так, в произведениях писателя встречаются предложения с объективным: «Пассажиры стали с любопытством рассматривать родственника» [9, с. 54], и с субъективным порядком слов: «Заплакала Пелагея...» [9, с. 59]. Их взаимоотношения создают те переливы красок, которые отличают сказ как художественное повествование. Объективная модель задает тон литературного произведения. Субъективная же модель в начале рассказа как сильное стилистическое средство могла бы придать повествованию характер стилизации под народный сказ, что не соответствовало бы личности рассказчика. Мы полагаем, что модель, используемая в ходе повествования, создает нужные эффекты тонко, мягко служит сигналом устной речи.

Продуктивность субъективной модели в предложе-

ниях-зачинах М. Зощенко возрастает в прямой речи: «Раньше, граждане, было куда как проще, – сказал Григорий Иванович» [9, с. 42]; «Жил такой человек, Петр Петрович, с супругой своей, Катериной Васильевной. Жил он на Малой Охте» [9, с. 65]. Прямая речь в произведениях сказового характера неизбежно насыщается автором большим количеством предложений с субъективными формами порядка слов. Преимущество использование субъективной модели создает стилизацию под народный сказ. Субъективные формы порядка слов играют в произведениях Зощенко одну из важных ролей в создании стилистических особенностей сказа – в создании переходов от одного стиля изложения к другому.

Рассказы Зощенко от первого лица представляют читателю разные типы сказов. Есть сказы, имеющие форму воспоминаний героя. Их ориентация на устную речь отражена в названиях: «На живца», «Аристократка», «Бедность», «После разлуки» и др. Субъект информации может быть назван «рассказчиком». В рассказах «Баня» и др. введен персонаж-повествователь, слушающий исповедь героя. Стилистика данных рассказов определяется сложным взаимодействием двух субъектов информации: персонажа-повествователя и рассказчика. В повествовании рассказчик одновременно выступает в роли персонажа и обозначает себя с помощью местоимения первого лица «я» или – гораздо реже – «мы» и обычно является участником описываемых событий: «По Новоторжской ветке я больше не поеду» [9, с. 11]; «Недавно сижу я в Летнем саду. Курю папиросу» [9, с. 109]; «Я, конечно, человек непьющий» [9, с. 160].

Здесь повествование от первого лица писатель использует с целью убедить читателя, что нелепый случай, описанный в рассказе, – не выдумка, а истинная правда, сам абсурд русской действительности начала XX века.

Распространенная форма повествования в рассказах Зощенко – это рассказ от третьего лица. Но повествователь вполне может выступить в произведении как некое «я». Кроме того, он же нередко является одновременно и персонажем произведения: «Говорят, граждане, в Америке бани отличные» [9, с. 70]. Здесь персонаж совпадает с рассказчиком, то есть герой сам рассказывает о себе и своей среде.

Это та форма, которая позволяет автору без ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа и показывать его подробно и глубоко. При этом у автора нет тайн в душе героя: он знает о нем все, может проследить малейшие изменения в его душе.

Исследователь М. М. Бахтин отметил, что «автор не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно...» [14, с. 46]. Здесь форма повествования от 3-го лица помогает писателю раскрыть характер героя, показать тайные глубины его души и дать авторскую оценку изображаемым событиям и самому герою.

По нашему мнению, выбор рассказчика важен, он дает окраску всему содержанию произведения, и тут писатель, непревзойденный мастер сказа, никогда не ошибается, кроме того, его рассказчик находится в близком родстве с героями Зощенко. Тогда история бедняка Глотова («Беда») проиграла бы, поведай ее не сам герой в своей неторопливой, простодушной и рассудительной манере, искренне рассказывающий о случившемся. В монологе герой Зощенко адресует свои слова слушателям с целью воздействовать на их сознание и чувства. Сиюминутность их рождения заставляет читателя верить в искренность говорящего: «Дядя, милый ... братишка; Два года ведь солому зря лопал... За какое самое... За какое самое это вином торгуют?» [9, с. 70]. Функции языка персонажей нельзя сводить лишь к простой достоверности, жизненности: «За какое самое... За какое самое это вином торгуют?». [15, с. 106]. Фразы выглядят рваными, внутренне бессвязными – все это соответствует психологическому состоянию героя.

Известный исследователь творчества М. Зощенко А. Старков так говорит о ряде его рассказов, в которых рассказчиком и действующим лицом выступает одно и то же лицо: «...сказ двойственен по самой природе. Сюжет у М. Зощенко также имеет двойственную нагрузку. С точки зрения автора он важен, прежде всего, как средство раскрытия характеров. С точки зрения рассказчика – сам по себе, как действительно имевший место случай из жизни» [16, с. 61].

Главный принцип стиля писателя – максимальная информативность. Роль автора – не только заставить переживать читателя, но и изобразить рассказываемое, дать его зрительный образ. Живой язык помогает создать реальную картину происшествий, окружающего героев мир.

Поняв сущность своего героя, писатель сумел передать нам его мысли его же словами. Это потребовало от М. Зощенко введения в рассказы нелитературных форм языка. Введение в язык просторечных слов и выражений, алогизмов для писателя не было самоцелью. Все это делалось по необходимости: «Если я искажаю иногда язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип, тип, который почти что не фигурировал в русской литературе». [17, с. 87]. Кроме того, объясняя, откуда такой язык, писатель утверждал, что можно было бы писать более мягко без резких оборотов речи и выражений, но к языку он подошел сатиристически. Естественно, дело вовсе не в комических искажениях типа: «отселева», «польты», «пужайся», «робя», «задник», «рыло», «хайло» – писатель подчеркивает, что эти искажения показывают бескультурье героя.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

1. Словарное богатство писателя колоссально. Читатели, даже не предупрежденные автором, узнают по языку социальное положение персонажей. Но при этом индивидуализация языка доведена до такого совершенства, что описание драки в коммунальной квартире, или встреча родственников в трамвае, исповедь Феклы, размышления попа дают возможность зрительно представить читателю действие, образ персонажа во всей живой и осязаемой конкретности.

2. Рассказы М. Зощенко демонстрируют удивительное мастерство писателя как художника слова. Он, как никто другой, уловил сущность «полуинтеллигенции» как социального фактора и художественно выразил ее культурно-историческую роль, стилизуя специфические особенности ее языка [18, с. 461, 19, 20].

3. Социально нравственная сатира М. Зощенко – сатирическая юмористика морального исправления человека. Отличительной особенностью является установка на сказовую манеру повествования, глубокое проникновение в сущность образа, психологичность.

4. Писатель так умело прятался за своих героев, что казалось, будто они сами, безо всякого участия автора рассказывают о своей жизни, о горестях, радостях, проблемах и мечтах. Невозможно понимание произведений писателя вне постижения «голоса» повествователя, который рассказывает о событиях с невозмутимым спокойствием.

5. Все формы повествования от 1-3 лица или рассказчика в произведениях М. Зощенко свидетельствуют об индивидуальности языка художественной литературы. Не может быть полноценного восприятия рассказов М. Зощенко без пристального внимания к их повествовательной манере, в которой за наивностью и бесхитростностью того, кто ведет рассказ, угадывается ирония и лукавство, жизненный опыт и мудрость: о злоключениях персонажей узнаем благодаря беседе рассказчика и слушателя за чашкой чая, на поминках. Диалог между персонажами становится одним из существенных приемов в рассказах писателя. Разноязыкая галерея его персонажей создает полилогичность повествования. В этом многоголосии, как мы установили, и происходит

столкновение различных форм чужого слова со словом автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Комарова Н.А. Поэтика сказа Зощенко М.М.: дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2000. 175 с.
2. Разумовская А. Г. Изучение М. Зощенко в школе. М., 1996. 30 с.
3. Байкова С.А. Преломление сказовой традиции М. Зощенко в «малой прозе» Евг. Попова конца 1960-1980 гг. // Вестник Томского государственного университета. № 343, 2011. С. 7-9.
4. Кадаш Т.В. Мировоззренческие аспекты творчества М. Зощенко: дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 25-29.
5. Яхияева С.Х. Изучение в средних классах рассказов М. Зощенко как путь к постижению комического индивидуального стиля писателя: дис. ... канд. пед. Наук. С-П. 2005. 263 с.
6. Чудакова А.П., Чудакова М.О. Сказ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 876.
7. Зощенко М.М. Избранные. М., 1989. 240 с.
8. Зощенко М.М. Собр. соч.: В 3-м. М., 1994. С. 5.
9. Зощенко М.М. Уважаемые граждане. Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные пьесы. М., 1991. 664 с.
10. Журбина Е. Михаил Зощенко. В кн.: М. Зощенко. Собр. соч. Т.1. М.-Л., 1931. С. 12.
11. Пропт В.Я. Проблема комизма и смеха. М., 1976. С. 84.
12. Чуковский К.И. Из воспоминаний. Вспоминая М. Зощенко. Собр. соч. Т. 2. Л., 1990. С. 36-37.
13. Яхияева С.Х. Комическое в литературе. (на примере произведений М. Зощенко) // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2009. №1. С. 265-266.
14. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963 (переработанная версия книги «Проблемы творчества Достоевского». Л.: Прибой, 1929). 244 с.
15. Яхияева С.Х. Юмористические рассказы Михаила Зощенко «Баня» и «Галоша» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2016. Т. 10. №2. С. 106-109.
16. Старков А. Юмор Михаила Зощенко. М., 1974. С. 61.
17. Зощенко М.М. О себе, о критиках и о своей работе // М. Зощенко. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 87.
18. Щеглов Ю. М. Зощенко. Рассказы «Голубая книга». М., 2001. С. 461.
19. Shustrova E. V. Use of comic creolized texts in teaching English // Педагогическое образование в России. 2016. № 4. С. 66-74.
20. Чан Тхань Т. Юмор как форма комического в современных лингвистических исследованиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 3. С. 61-65.

Статья поступила в редакцию 18.08.2019

Статья принята к публикации 27.08.2019